

Никольский Дмитрий Петрович

**О выдаче преступников по
началам международного права**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Петрович Н.**
О выдаче преступников по началам международного права / Никольский Дмитрий Петрович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 551 с.

ISBN 978-5-519-99807-9

ISBN 978-5-519-99807-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОБЩІЯ НАЧАЛА ТЕОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

ДѢЙСТВІЕ УГОЛОВНАГО ЗАКОНА ВЪ ПРОСТРАНСТВѢ (ВВЕДЕНІЕ).

§ 1. Основныя положенія ¹⁾. Основное положеніе, принятое всѣми законодательствами, относительно дѣйствія уголовного закона, состоитъ въ томъ, что всякій уголовный законъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ того государства, гдѣ изданъ. Такой характеръ мѣстнаго уголовного закона называется территоріальностью (поземельностью). Въ русскомъ законодательствѣ начало территоріальности (поземельности) уголовного закона ясно выражено, какъ въ уложеніи о наказаніяхъ, такъ и въ мировомъ уставѣ. Ст. 170 уложенія постановляетъ: „Иностранцы, въ Россіи жительствоующіе или временно въ оной пребывающіе, подлежатъ дѣйствію законовъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, на томъ же основаніи, какъ и подданные Россійскіе, если о какомъ-либо изъ сего изъятія не сдѣлано особаго постановленія въ договорѣ съ тою иностранною державою, у коей они находятся въ подданствѣ“. Такимъ образомъ наше законодательство твердо держится того начала, что всякое лицо, находящееся въ предѣлахъ русскаго государства, будетъ ли оно русскимъ подданнымъ, или иностранцемъ, безусловно подчиняется нашимъ уголовнымъ законамъ. Ни одно лицо, поэтому, не можетъ сослаться на невѣдѣніе закона. Подобная ссылка не можетъ служить основаніемъ для оправданія подсудимаго, а развѣ только для снисхожденія, при извѣстныхъ условіяхъ. При этомъ безразлично, совершилъ ли иностранецъ въ Россіи преступленіе

противъ одного изъ русскихъ подданныхъ, или противъ подданнаго того государства, къ которому самъ принадлежитъ. Отсюда исключаются преступленія, совершенныя на иностранныхъ купеческихъ судахъ между лицами, составляющими экипажъ этихъ судовъ, хотя бы эти суда и находились въ русскомъ территоріальномъ (поземельномъ) морѣ. Къ такимъ преступленіямъ относятся нарушеніе дисциплины и долга службы членовъ экипажа. Но общія преступленія, совершенныя на бортѣ такого судна, могутъ быть подсудны и нашимъ уголовнымъ судамъ, если преступниками будутъ нарушены спокойствіе, тишина и безопасность порта ²⁾).

Это основное начало установилось не только въ законодательствахъ, но и въ наукѣ международного права. Однимъ изъ первыхъ писателей выставилъ его Ваттель въ своемъ „Droit des Gens“ ³⁾. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу: „L'empire uni au domaine établit la juridiction de la Nation dans le pays qui lui appartient, dans son territoire. C'est à elle, ou à son souverain, de rendre la justice dans tous les lieux de son obéissance, de prendre connaissance des crimes qui se commettent et des différends qui s'élèvent dans le pays“. Это правило высказано и другими писателями, наприм. Уитомомъ, Баромъ, Кальво, Бернеромъ, Феликсомъ и т. д. ⁴⁾.

Итакъ, это правило основное и несомнѣнное. Является вопросъ, въ силу чего оно возникло? Какой его источникъ? Это правило вытекаетъ изъ понятія государственнаго верховенства, которое, по самому существу своему, не терпитъ подчиненія иностраннымъ законамъ. Однако, понятно, что начало государственнаго верховенства вполнѣ не можетъ быть примѣнено на дѣлѣ. Развитіе современныхъ международныхъ сношеній выставило другое руководящее начало, смягчающее узкія требованія территоріальности — начало международного общенія. Въ силу этого послѣдняго начала, нѣтъ надобности подчинять дѣйствию мѣстныхъ законовъ всѣхъ лицъ, пребывающихъ въ предѣлахъ даннаго государства; начало международного общенія установило слѣдующія изъятія изъ дѣйствія строго-территоріальнаго начала:

1) Преступленія, совершаемыя на военныхъ корабляхъ, гдѣ бы они ни находились, судятся по законамъ того государства, которому корабль принадлежитъ; о купеческихъ корабляхъ упомянуто выше; кромѣ того, купеческіе корабли въ открытомъ морѣ приравняются къ военнымъ, по подсудности.

2) Преступленія, совершаемыя представителями верховной власти, дипломатическими агентами, вспомогательными войсками иностранных государствъ, судятся также, какъ и преступленія на военныхъ корабляхъ.

Совокупность этихъ изъятій изъ началъ поземельности (территориальности) опредѣляется, или, лучше сказать, объясняется такъ-называемой фикціей выѣзельности. Если бы этихъ изъятій не существовало, то международное общеніе было бы немыслимо ⁵⁾.

§ 2. Взаимное признаніе государствами указанныхъ началъ. Если данное государство признаетъ за своимъ закономъ право судить и наказывать преступленія, совершаемыя въ его предѣлахъ, то, на основаніи начала международнаго общенія, оно должно признать такое же право и за иностранными государствами. Такъ, напр., преступленіе совершилось въ Россіи, оно разсматривается въ русскомъ судѣ, иностранное государство не имѣетъ права выѣзательства, и наоборотъ, преступленіе, совершенное въ Пруссіи, не можетъ вызывать выѣзательства Россіи, хотя бы преступленіе, совершенное въ Пруссіи, затрогивало непосредственно наши интересы. Такое отношеніе двухъ государствъ называется взаимностью. Оно предполагаетъ, что между этими государствами не было заключено никакого договора по этому вопросу. Если же такой договоръ или трактатъ заключенъ, то его положенія и опредѣляютъ взаимныя отношенія обоихъ законодательствъ. Но начало взаимности можетъ быть примѣнено лишь къ государствамъ, однороднымъ по культурѣ; поэтому отношеніе къ восточнымъ государствамъ опредѣляется иначе. Такъ, у насъ заключенъ рядъ договоровъ съ Турціей, Японіей, Персіей и Китаемъ, на основаніи которыхъ русскіе подданные, совершившіе преступленіе въ предѣлахъ этихъ государствъ, пользуются правомъ выѣзельности, т.-е. сохраняютъ подсудность нашимъ законамъ. Такъ, положимъ, русскій совершилъ маловажное преступленіе въ Турціи, т.-е. влекущее наказаніе не выше тюремнаго заключенія: его будетъ судить нашъ консулъ; онъ постановитъ приговоръ по нашимъ законамъ, причемъ приведеніе его приговора въ исполненіе совершится по мѣстнымъ законамъ. Но, если онъ совершилъ преступленіе важное, то его отправятъ въ ближайшую пограничную русскую губернію, гдѣ и будутъ судить по общимъ правиламъ русскаго судопроизводства. Причина такихъ изъятій заключается въ томъ, что въ означен-

ныхъ государствахъ трудно разсчитывать на полное безпристрастіе мѣстныхъ судовъ относительно европейскихъ подданныхъ, совершившихъ тамъ преступленіе.

§ 3. Столкновеніе законовъ разныхъ государствъ. — Здѣсь надо различать два случая. Во-первыхъ, преступленіе можетъ быть совершенно въ одномъ государствѣ, а обнаружено въ другомъ, напр., убійца изъ нашего государства бѣжалъ въ Австрію, гдѣ и былъ пойманъ. Во-вторыхъ, преступленіе совершается въ какомъ-либо государствѣ, но послѣднее, изъ соображеній уголовной политики, отъказывается отъ суда надъ виновнымъ, выдаетъ его иностранному государству. Такимъ образомъ, преступникъ, по совершеніи преступления, или добровольно является въ данное государство, или выдается тѣмъ государствомъ, гдѣ преступленіе совершено, заинтересованному государству. Разсмотрѣніе перваго вопроса составитъ содержаніе настоящей главы, а второй вопросъ будетъ разсмотрѣнъ въ другихъ отдѣлахъ. Итакъ, положимъ, что преступникъ совершилъ грабежъ съ убійствомъ въ Австріи и бѣжитъ къ намъ, въ Россію. Какъ съ нимъ поступить?

1) Говорятъ, что можно отказать ему въ убѣжищѣ, т.-е. не пустить его на русскую землю. Но такіе случаи очень рѣдки, такъ какъ преступникъ тщательно скрывается, переходя за границу, а разъ онъ ее перешелъ, нельзя уже и говорить объ отказѣ въ убѣжищѣ 7).

2) Другое рѣшеніе этого вопроса состоитъ въ томъ, что преступникъ можетъ быть судимъ у насъ. Для объясненія этого права предложено много различныхъ системъ; въ наукѣ и въ законодательствахъ проводятся самыя разнообразныя взгляды. Такое разнообразіе и нерѣшительность происходятъ отъ того, что самыя основанія такого права еще не установились прочно. Всѣ ученія по этому вопросу могутъ быть раздѣлены на два большіе отдѣла. Къ первому относятся тѣ, которыя за исходную точку принимаютъ право государственнаго верховенства — право судить и наказывать всякаго преступника, находящагося въ данной территоріи; ко второму тѣ, въ основаніи которыхъ лежитъ широкое современное понятіе международнаго общенія.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Ученія, выходящія изъ начала государственнаго вѣрховенства.

§ 4. Теорія поземельности (территоріальности). — Изъ Германскихъ юристовъ эту теорію поддерживаютъ Кестлинъ и Миттермайеръ, а также Фейербахъ; Въ Англіи—писатели по международному праву, напр., Стори, Филлиморъ. Въ основѣ территоріальной теоріи лежитъ то начало, въ силу котораго всякое государство имѣетъ право судить и наказывать преступленія, совершенныя въ его предѣлахъ, откуда выходитъ, что мѣстному закону нѣтъ дѣла до того, что совершается въ сосѣдней странѣ: власть государства ограничивается исключительно тѣми преступленіями, которыя совершены въ его предѣлахъ. Всякое уголовное преступленіе есть посягательство на юридическую норму, запрещенное закономъ данной страны. Законы этой послѣдней простираютъ свое дѣйствіе только до предѣловъ ея, поэтому, всякое преступное дѣяніе, совершенное за этими предѣлами, не имѣетъ никакого отношенія къ закону этой страны, оно можетъ быть разсматриваемо лишь на основаніи законовъ той страны, гдѣ совершилось. Такимъ образомъ, по этой теоріи, если итальянецъ совершилъ преступленіе въ Англіи и бѣжалъ въ отечество, то судебныя власти послѣдняго не могутъ подвергнуть его преслѣдованію. Въ отношеніи къ преслѣдованію преступниковъ, не существуетъ никакихъ международныхъ обязанностей. Законодательство каждой страны выросло на почвѣ международной жизни, въ немъ выразилась особенность даннаго народа, его нравственныя и правовыя воззрѣнія. Слѣдовательно, нормы этого законодательства стоятъ особо, независимо, онѣ не могутъ имѣть всемірнаго, всеобщаго значенія. Всѣ эти выводы очень послѣдовательно вытекаютъ изъ основнаго начала этого ученія. Но такая послѣдовательность приводитъ къ невозможности примѣненія самой теоріи на дѣлѣ. Въ самомъ дѣлѣ, это ученіе въ такомъ чистомъ видѣ было бы примѣнимо только при отсутствіи какого-бы то ни было международного общенія, чему дѣйствительность противорѣчитъ. Это затрудненіе заставило защитниковъ теоріи сдѣлать нѣкоторые дополненія и отступленія. Пер-

вое изъ такихъ отступленій заключается въ слѣдующемъ: государства должны имѣть въ виду не только собственные выгоды и порядокъ, но также и интересы международнаго права и порядка. Поэтому, они обязаны преслѣдовать за преступленія, вредящія или грозящія опасностью сосѣдней странѣ. Какое-же послѣдствіе такого положенія? Оно приводитъ къ требованію, чтобы въ законодательствѣ каждаго государства былъ особый отдѣлъ, предусматривающій преступленія, совершенныя противъ сосѣдней страны. Это правило имѣетъ значеніе только для преступленій, обнаруженныхъ въ мѣстѣ ихъ совершенія. Такъ, если преступленіе совершено въ Россіи противъ сосѣдней державы, предусмотрѣно русскимъ уложеніемъ и обнаружено въ Россіи-же. Но это дополненіе не разрѣшаетъ вопроса, какъ поступить съ преступникомъ, который, по совершеніи преступленія, перебѣжитъ въ другую страну? Можетъ-ли послѣдняя судить его?

Представители разбираемой теоріи отвѣчаютъ, что въ такомъ случаѣ надо выдать его тому государству, откуда онъ пришелъ, все равно, будетъ-ли онъ иностранецъ или собственный подданный, лишь бы только онъ совершилъ преступленіе за границей, внѣ пространства вѣдомства мѣстныхъ законовъ.

Но оба эти дополненія несостоятельны. Во-первыхъ, ни одна страна не можетъ уравнивать своихъ собственныхъ интересовъ съ интересами другихъ государствъ. Такъ, напр., въ нашемъ уложеніи мы находимъ всего двѣ статьи, предусматривающія преступныя посягательства противъ сосѣднихъ державъ. Одна изъ нихъ (260) предусматриваетъ составленіе заговора противъ порядка управленія сосѣдней страны или па жизнь главы сосѣдняго государства, другая (558) преслѣдуетъ поддѣлку въ предѣлахъ Россіи иностранной монеты. При этомъ, первая статья примѣняется только на основаніи взаимности, т.-е., если сосѣдняя страна также преслѣдуетъ заговоръ противъ Россіи въ своихъ предѣлахъ, а вторая статья имѣетъ въ виду главнымъ образомъ русскіе финансовыя интересы, такъ какъ поддѣлка иностранной монеты прежде всего вредитъ нашимъ денежнымъ оборотамъ. За этими двумя исключеніями, всѣ другія преступленія, совершенныя въ Россіи противъ иностранныхъ государствъ, не могутъ быть преслѣдуемы по уложенію. Тоже мы видимъ и въ другихъ государствахъ. Вопросъ-же о выдачѣ не только иностранцевъ-перебѣжчиковъ, но и собственныхъ подданныхъ крайне

спорный. Хотя нѣкоторые писатели, напр., Вильо, защищаютъ выдачу своихъ подданныхъ *), хотя и нѣкоторые государства держались этого начала (напр., Англія), но теперь, по общему правилу, провозглашенному во всѣхъ конвенціяхъ о выдачѣ, собственные подданные не выдаются на томъ основаніи, что такая выдача нарушаетъ верховенство государства.

Наконецъ, если допустить выдачу въ томъ видѣ, какъ требуетъ разбираемая теорія, то надо предположить наличность требованія со стороны заинтересованнаго государства. Безъ требованія, выдать нельзя. Судъ-же надъ преступникомъ влечетъ за собою расходы и матеріальные, и нравственные. А, если преступленіе маловажно, то государство, пожалуй, и не потребуетъ выдачи преступника. Стало быть, придется оставить его безнаказаннымъ, предоставить ему полную возможность продолжать свою преступную дѣятельность. Но такой выводъ, очевидно, не можетъ быть допущенъ—онъ противорѣчилъ бы собственнымъ интересамъ страны убѣжища.

Это новое затрудненіе Кестлинъ разрѣшаетъ такимъ добавленіемъ, которое въ корнѣ уничтожаетъ всю его теорію. Онъ говоритъ, что въ этомъ случаѣ преступникъ долженъ быть наказанъ по закону страны убѣжища. Это положеніе идетъ въ разрѣзъ съ основнымъ началомъ разбираемой теоріи. Чтобы какъ-нибудь обойти этотъ камень преткновенія, Кестлинъ утверждаетъ, что государство будетъ наказывать не отъ своего имени — на это оно не имѣетъ права, но во имя заинтересованной державы, по началу представительства. На это можно возразить, что для преступника все равно, во имя-ли своей или чужой страны онъ будетъ наказанъ. А кромѣ того, ученіе гражданскаго права о представительствѣ врядъ-ли можно примѣнить къ праву международному, субъектами котораго являются не частныя лица, а государства. Представитель предполагаетъ наличность порученія или уполномоченія со стороны представляемаго лица, а такое порученіе можетъ быть выражено въ договорѣ. Слѣдовательно государства должны будутъ заключать договоры о представительствѣ. Затѣмъ, представительство можетъ имѣть лишь на столько правъ, на сколько имѣетъ ихъ представляемое лицо. Примѣняя это положеніе къ государствамъ, мы придемъ къ выводу,

*) Вслѣдствіи мы докажемъ справедливость взглядовъ Вильо, которые вполне раздѣляемъ.

что государство—представитель должно будет примѣнять законы государства представляемаго. Но это немыслимо. Поэтому, мы должны заключить о полной несостоятельности этой теоріи.

Впрочемъ, не смотря на свои недостатки, эта теорія утвердила весьма важное положеніе, что главное значеніе должно имѣть мѣстное право, всякое другое право можетъ играть лишь вспомогательную, второстепенную роль.

§ 5. Теорія національная. — Главнѣйшими представителями этой теоріи являются Бернеръ и Баръ. Теорію Бернера можно иначе назвать теоріею личной подчиненности. Эта теорія выставляетъ слѣдующія начала: каждый подданный, гдѣ бы онъ ни былъ, обязанъ подчиняться своимъ національнымъ законамъ, законамъ своего отечества. Для послѣдняго, поэтому, возникаетъ право суда и наказанія своего подданнаго, совершившаго преступленіе за границей. Итакъ, главное основаніе такого права — принадлежность даннаго лица къ числу подданныхъ какого-либо государства. Но это основаніе не единственное: всякое преступленіе представляетъ дѣйствіе, нарушающее достоинство и честь гражданина. Лицо, совершившее преступленіе, тѣмъ самымъ посягаетъ на нарушеніе этого достоинства и чести. Какъ нарушитель гражданской чести, оно должно подлежать отвѣтственности по законамъ своего отечества, законодательство котораго опредѣляетъ всѣ условія его гражданского состоянія. Такимъ образомъ, теорія Бернера является только дополненіемъ къ поземельной (территоріальной) теоріи, она также исповѣдуетъ тоже основное начало, что все, чтобы ни совершилось въ предѣлахъ даннаго государства, должно разсматриваться по законамъ этого государства. Территоріальный принципъ здѣсь растягивается до чрезвычайности, законъ дѣйствуетъ не только въ предѣлахъ мѣстности, но и по отношенію къ лицамъ, живущимъ на ней. Эти лица, уѣзжая за границу, какъ бы уносятъ съ собою родную почву, часть родной земли съ ея законами, правовыми воззрѣніями, запретами всякаго рода, и нарушеніе ими этихъ законовъ, юридическихъ воззрѣній и запретовъ считается въ отечествѣ ихъ преступленіями, а преступники могутъ и должны быть преслѣдуемы со стороны отечественнаго законодательства. Такимъ образомъ, русскій подданный, гдѣ бы онъ ни былъ, долженъ имѣть въ виду русскіе законы. Таково существо теоріи Бернера. Теперь рассмотримъ вкратцѣ ученіе Бара и сдѣлаемъ оцѣнку всей націо-

нальной теоріи. Теорія Бара нѣсколько сложнѣе Бернеровской. Баръ говоритъ, что изъ понятія о подданствѣ вовсе не вытекаетъ обязанности для подданнаго всегда и вездѣ подчиняться законамъ своего отечества. Почему? Потому что подданный, совершая преступленіе, тѣмъ самымъ уничтожаетъ права подданства и выгоды отъ принадлежности въ качествѣ подданнаго къ данной странѣ. Но послѣднія отсюда не получаютъ правъ наказывать за преступленія, совершенныя за ея предѣлами. Какія-же начала выставляетъ Баръ? Всякое преступленіе, по его ученію, совершенное лицомъ, вытекаетъ изъ его злой воли. Эта злая воля возникла въ лицѣ, развивалась въ немъ постепенно и наконецъ осуществилась въ преступленіи. Государство, наказывая преступленіе, направляетъ свою карательную дѣятельность противъ виновника, т.-е. противъ лица, совершившаго преступленіе. А къ этому лицу, по поводу его преступнаго дѣянія, могутъ предъявить права двѣ страны: та, въ которой преступленіе совершилось, по началу поземельности, и та, гдѣ это преступленіе готовилось, гдѣ возникла и развивалась преступная, злая воля, т.-е. отечество лица. Слѣдовательно, Баръ предполагаетъ, что злая воля непременно возникла и развивалась въ предѣлахъ отечества преступника, почему отечество и имѣетъ право наказать его за преступленіе, совершенное за границей. Очевидно, что эта теорія слишкомъ узко смотритъ на дѣло. Во-первыхъ, Баръ опускаетъ всю область такъ-называемыхъ аффектированныхъ преступленій, для которыхъ его теорія совершенно непримѣнима. Затѣмъ, какъ опредѣлить, гдѣ именно возникла и развивалась злая воля? Рѣшеніе этого вопроса или очень трудно, или безусловно невозможно. Напр., итальянецъ уѣхалъ въ Англію, прожилъ тамъ пять лѣтъ, совершилъ преступленіе, вернулся на родину, гдѣ и было обнаружено преступленіе. Для того, чтобы Италия могла наказать его, надо доказать, что злая воля родилась и развивалась въ ея предѣлахъ, а выразилась въ преступленіи, совершенномъ на англійской почвѣ. А такое доказательство очень затруднительно. Наконецъ, эта теорія непримѣнима къ иностранцамъ, совершившимъ преступленіе въ одномъ государствѣ и бѣжавшимъ въ другое, имъ чуждое. Послѣднее, по этой теоріи, не можетъ наказать ихъ. Напр., шайка воровъ изъ англичанъ и французовъ подѣлывала французскую монету въ Бельгіи и потомъ перешла во Францію, гдѣ и захвачена. По этой теоріи, Франціи можетъ пре-

слѣдовать лишь французскихъ членовъ пайки, а англичанъ оставить безъ наказанія.

Вообще, противъ національной теоріи можно дѣлать тѣ-же самыя возраженія, что и противъ поземельной. Но послѣдняя выше и послѣдовательнѣе національной: она прямо и логично проводитъ то основное начало, что мѣстное право и законодательство имѣетъ преимущественное значеніе: дѣйствіе всякаго другого права только вспомогательное. Оно наступаетъ только въ случаѣ невозможности примѣненія мѣстнаго права. Напротивъ, по теоріи національной, всякое лицо, перешедшее за границу, находится подъ вліяніемъ и дѣйствіемъ двухъ законовъ — мѣстнаго и національнаго, причемъ каждый разсматривается, какъ совершенно самостоятельный и обособленный. Такое положеніе приводитъ къ вопіющей несправедливости. Въ самомъ дѣлѣ, всякое лицо, находящееся за предѣлами своего отечества, совершая преступленіе, нарушаетъ имъ и свой естественный законъ, и мѣстный, слѣдовательно, совершаетъ два преступленія, за которыя и должно отвѣчать по тѣмъ и другимъ законамъ; отбывъ наказаніе по мѣстнымъ законамъ, оно должно, по возвращеніи въ отечество, отбыть другое наказаніе по отечественнымъ законамъ. А это прямо противорѣчитъ основной юридической аксіомѣ: „non bis in idem“, т.-е., что одно лицо за одно и то же преступленіе можетъ быть обложено только однимъ опредѣленнымъ наказаніемъ. Затѣмъ, національная теорія предполагаетъ, что законы двухъ государствъ будутъ болѣе или менѣе однородны и согласны; но это бываетъ не всегда. Очень часто дѣяніе, запрещенное въ одномъ государствѣ, дозволено въ другомъ. Въ такихъ случаяхъ, очевидно, возникаетъ неправильное отношеніе обоихъ законодательствъ, и выходъ изъ такого положенія очень затруднителенъ. Наконецъ, еще одно возраженіе: почему человѣкъ являющійся, напр., въ Россію, обязанъ исполнять не только русскіе, а и свои, отечественные законы? Въдѣ этимъ нарушается основное правило, что въ государствѣ дѣйствуетъ лишь тотъ законъ, который изданъ его верховною властью и обнародованъ подчиненными ей властями. Всякій другой законъ не можетъ тутъ дѣйствовать.

Въ виду указанныхъ неудобствъ, авторамъ двухъ названныхъ теорій пришлось внести нѣкоторые дополненія: а именно, Берперъ и Баръ говорятъ, что начала національной теоріи не касаются всѣхъ полицейскихъ нарушеній. Хотя они не объясняютъ, по-